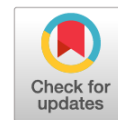

Сильное государство и народная воля?

Керимов А.Д.,

доктор юридических наук,
профессор Института права и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ
E-mail: 8017498@mail.ru

Куксин И.Н.,

доктор юридических наук,
профессор Юридического института
Московского городского педагогического университета,
заслуженный юрист Российской Федерации
E-mail: proffkuk-1944@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема соотношения сильного государства и всеобщей (народной) воли. Авторы отвечают на два принципиальных вопроса: выражает ли и, если да, то в какой мере, сильное государство в лице своих властных институтов волю народа? и должно ли оно формировать или способствовать формированию этой воли?

Ключевые слова: сильное государство, народная воля, суверенитет, социум, высшее представительное учреждение, институты гражданского общества, средства массовой информации.

На современном этапе исторического развития сила государства выступает в качестве важнейшей детерминанты, основополагающего начала продвижения человечества по пути прогресса. Прогресс, понимаемый как движение от простого к сложному, от низшего к высшему, от худшего к лучшему, от менее совершенного к более совершенному, зрелому и рафинированному, немыслим без сильного государства, представляющего собой универсальный, мультифункциональный, многоцелевой и эффективный инструмент управления всё усложняющимися общественными системами и ускоряющимися социальными процессами. Именно такой инструмент всемерно способствует открытию новых перспектив и возможностей формирования высокоорганизованного и справедливого социума, образованной, просвещённой и нравственной личности, максимальному расширению прав и свобод человека и гражданина. Именно благодаря ему появляется реальный шанс хотя бы в какой-то мере нивелировать негативные последствия, неизбежно возникающие в одних областях при прогрессивном развитии в других (например, индустриализация ведёт к загрязнению окружающей среды и т.п.).

Посему мы с удовлетворением отмечаем тот факт, что в последние годы во многих, если не в большинстве стран мира, как в научном, так и массовом сознании постепенно укореняется твёрдое понимание необходимо-

сти созидания сильного государства¹. Видный экономист, академик Российской академии наук В.Л. Макаров пишет: «Опыт стран, переживающих с начала 1990-х годов трансформационный переход, наглядно показал, что необходимый для запуска механизмов устойчивого экономического развития «прирост свобод» отнюдь не находится в линейной зависимости от сокращения функций государства. Напротив, только сильное государство с чётко работающими институтами способно обеспечить должные гарантии гражданских прав и свобод, создать условия для успеха реформ»². По мнению известного американского философа, социолога и футуролога Ф. Фукуямы, построение такого государства, заключающееся в создании новых правительственных учреждений и укреп-

¹ Антиподом такого государства является, разумеется, государство слабое. Заметим, что официальные структуры и научное сообщество в англоязычных странах (США, Канада, Великобритания) предпочитают употреблять другие термины: «хрупкое», «недолговечное», «уязвимое» и др. государство [в этой связи см.: Грязнова Е.В. «Хрупкое» государство: критерии определения // Политика и общество. 2013. № 1 (97). С. 57 — 65]. Российский юрист И.В. Понкин выделяет и подробно анализирует два основных вида слабого государства — дисфункциональное и несостоятельное (см.: Понкин И.В. Теория девиантологии государственного управления: Неопределённости, риски, дефекты, дисфункции и провалы в государственном управлении. ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ. М.: Бук-Веди, 2016. С. 90 — 143). Другой отечественный правовед В.А. Затонский использует термин «недееспособное государство» (Затонский В.А. Эффективная государственность / Под ред. А.В. Малько. М.: Юрист, 2006. С. 101).

² Макаров В.Л. Государственный аудит и проектирование будущего. Вместо предисловия // Степашин С.В. Государственный аудит и экономика будущего. М.: Наука, 2008. С. 7.

плении существующих, — одна из наиболее важных проблем мирового сообщества³.

Мысль о безусловной предпочтительности сильного государства, разумеется, не нова. В пользу такого государства высказывались многие величайшие мыслители, политические деятели прошлого. Однако именно в последнее время приверженность к могущественному и эффективному государству приобрела особую актуальность. Несмотря на ещё довольно яростное противодействие со стороны радикально настроенных либералов (в особенности, либертарианцев) с их удручающе примитивными инвективами против государства вообще, всё большее число отечественных и зарубежных ученых, политиков приходят к осознанию существования насущной потребности в сильном государстве⁴. Об этом неоднократно говорили В.В. Путин и даже Д.А. Медведев, отличающийся, как известно, гораздо более либеральными взглядами. Так, представляя ежегодное Послание главы государства Федеральному Собранию РФ, Президент страны В.В. Путин в своём выступлении в июле 2000 г. заявил: «Мы убедились: нерешительность власти и слабость государства сводят на нет экономические и другие реформы»⁵. Во многих других своих выступлениях, в том числе и последующих ежегодных Посланиях парламенту страны, В.В. Путин неоднократно возвращался к этой теме, настойчиво высказываясь в пользу могущественного и эффективного государства. Завершая такое послание в декабре 2015 г., В.В. Путин с удовлетворением констатировал: «Россия в полный голос заявила о себе как сильное самостоятельное государство с тысячелетней историей и великими традициями, как нация, которая консолидирована общими ценностями и общими целями»⁶. в ноябре 2008 г. тог-

дашний Президент России Д.А. Медведев в своём Послании высшему представительному учреждению подчеркнул, что сильное государство нужно гражданскому обществу как инструмент развития и поддержания порядка, оно необходимо для защиты и укрепления демократических институтов⁷. Другой известный российский политический деятель С.В. Степашин считает, что тезис о необходимости «возвращения» сильного государства сегодня признан очевидным⁸.

Заметим, что подавляющее большинство правящей элиты США (да и рядовых граждан), вопреки широко распространённому и абсолютно не соответствующим действительности представлению, практически всегда выступало и выступает за мощное и дееспособное государство. Уместно в этой связи привести рассуждения видного американского ученого, лауреата Нобелевской премии 2001 г. по экономике Дж.Ю. Стиглица. По его собственному признанию, «Америка никогда не принимала полностью миф о том, что большое государство — это плохо. Большинство американцев продолжало верить, что в экономике есть место для государства, и не только в области регулирования, но и в обеспечении жизнеобеспечивающих услуг... За рубежом Америка проповедовала вариант капитализма с минимальной ролью государства, который сама она отвергала»⁹.

Проблема формирования эффективного государства особенно актуализировалась (и, разумеется, не только для нашей страны, а для всего мирового сообщества) в связи с широким распространением такого поистине ужасающего явления, как международный терроризм, а также в связи с разразившимся несколько лет назад глубочайшим финансово-экономическим кризисом, охватившим практически весь земной шар.

Пусть неспешная, но неотвратимая моральная реабилитация сильного государства происходит ныне, даже, несмотря на то, что предыдущее столетие можно, пожалуй, считать рекордным по количеству бесчеловечных, антигуманных тоталитарных режимов. Как известно, в первую очередь именно с такими режимами, иногда оправданно, а иногда и нет, ассоциируется сильное государство. По мнению В.А. Затонского, «резкая и справедливая критика тоталитаризма и бюрократизма, бесправия человека в условиях административной

³ См.: Фукуяма Ф. Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке: (пер. с англ.). М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. С. 5.

⁴ Перевод названия книги «State Building: Governance and World Order in the Twenty-First Century» не совсем точен. Первая его часть была переведена, как «Сильное государство», исходя из содержания монографии. По-видимому, правильнее было бы сказать «государственное строительство», что также ни в коей мере, как нам кажется, не исказило бы замысла автора.

⁵ См.: Войтович Р.В. Сильное государство как инструмент противостояния институциональным вызовам глобализации. Власть и политика: институциональные вызовы XXI века. Политическая наука: Ежегодник. Российская ассоциация политической науки; гл. ред. А.И.Соловьёв. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 101 — 118; Сенцов А.Э. Образ сильного государства в программах современных политических партий России // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2001. № 3 (15). С. 126 — 130.

⁶ Путин В.В. Выступление при представлении ежегодного Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ 08.07.2000. М., 2000.

⁷ Послание Президента РФ Федеральному Собранию [Электронный ресурс] // Президент России [официальный сайт]. 03.12.2015; URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата обращения: 18.04.2016).

⁸ См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ 05.11.2008. Москва, Большой Кремлёвский дворец // РГ. 2008. 6 нояб. № 43.

⁹ Степашин С.В. Государственный аудит и экономика будущего. С. 12.

¹⁰ Стиглиц Дж.Ю. Ревущие девяностые. Семена Развала. М.: Современная экономика и право, 2005. С. 329.

системы нередко воспринималась, да и сейчас часто воспринимается как обвинительный приговор концепции сильного государства»¹⁰. Между тем, совершенно очевидно, что сильное государство вполне может быть и демократическим, и правовым.

Мы абсолютно убеждены в том, что наблюдаемая сегодня моральная реабилитация могущественного, дееспособного и эффективного государства не может и не должна рассматриваться в качестве случайности, а напротив, представляет собой закономерность, отражающую объективно обусловленное, исторически детерминированное развитие мировой обществovedческой мысли. Принимая во внимание её направленность, мы полагаем, что настало время для формирования **концепции сильного государства**. Тем более что, по мнению многих исследователей, в значительной степени разделяемом и авторами настоящей работы, целостной концепции сильного государства в истории политической, правовой и философской мысли не существует¹¹.

По причине чрезвычайной сложности и многогранности объекта наших исследований, вследствие того, что государство, как социо-культурный и политико-правовой феномен, обладает сущностями нескольких порядков, а формы их проявления вовне поражают немыслимым многообразием, мы ясно осознаем: разработка названной концепции в её целостном и хотя бы при первом приближении завершенном виде может явиться плодом только совместных и весьма напряженных усилий многих специалистов высокого уровня, представляющих различные отрасли науки: философию, социологию, юриспруденцию, экономику, историю, политологию, культурологию, психологию и др. Поэтому в настоящей статье мы претендуем лишь на то, чтобы сделать первые шаги по пути создания концепции сильного государства, высказать в этой связи некоторые собственные соображения. Мы в данном случае рассмотрим, на наш взгляд, чрезвычайно важную проблему соотношения сильного государства (сила которого обеспечивается прежде всего духом и волей организованного им народа¹²) и всеобщей (народной) воли, точнее,

попытаемся ответить на два принципиальных вопроса: выражает ли и, если да, то в какой мере, сильное государство в лице своих властных институтов волю народа? и должно ли оно формировать или способствовать формированию этой воли?

В отечественной обществovedческой науке **прочно утвердилось представление о том, что именно парламент выражает всеобщую волю** (волю народа, нации), понимаемую, обычно (хотя и не всегда), как воля большинства. Это мнение в тех или иных вариациях воспроизводится отечественными учёными и политическими деятелями в многочисленных трудах по теории права и государства, конституционному праву, политологии и др. В частности, В.Е. Чиркин пишет: «Современный парламент — это высший орган народного представительства, выражающий суверенную волю народа,...»¹³. И.П. Рыбкин считает, что в условиях парламентаризма суверенная воля народа находит своё воплощение в высшем представительном учреждении, которое гарантирует защиту интересов как большинства, так и меньшинства граждан¹⁴. А.М. Осавелюк подчеркивает, что «парламент рассматривается как выразитель интересов и воли народа (нации), то есть всей совокупности граждан данного государства»¹⁵. Р.В. Енгибарян и Э.В. Тадевосян также полагают, что парламент является выразителем воли народа, его суверенитета¹⁶.

Суждений подобного рода можно привести множество. Зафиксированная в них позиция базируется на нескольких чрезвычайно важных основаниях, рассмотрение которых заслуживает особого внимания.

Во-первых, она базируется на восходящей ещё к Ж.-Ж. Руссо (1712—1778) вере в то, что народная воля **существует, может быть достаточно легко выявлена, без труда поддаётся пониманию, чёткому и однозначному определению**. Этой верой пронизано, в сущности, всё его наиболее известное и значимое произведение «Об общественном договоре, или Принципы политического права», оказавшее и продолжающее по сей день оказывать огромное влияние на развитие мировой социально-философской мысли, общественно-политической теории и практики. В качестве примера приведем следующий отрывок. «Часто существует

¹⁰ Затонский В.А. Эффективная государственность / Под ред. А.В. Малько. М.: Юрист, 2006. С. 95.

¹¹ См., например: там же. С. 91. Следует признать, что отдельные попытки создания такой концепции, конечно же, предпринимались. См., например: Анохин П.В. Концепция «сильного государства»: Исторический опыт и проблемы воплощения в условиях современной России. Дисс. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002; Романов М.А. Принцип сильной государственности в системе политических приоритетов современной России. Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2001.

¹² В.И. Ленин был несомненно прав, когда на следующий день после победы Великой Октябрьской социалистической революции, 26 октября (8 ноября) 1917 г., выступая на II Всероссийском съезде Советов, утверждал, что «государство сильно сознательностью масс».

¹³ Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2005. С. 279. См. также: Чиркин В.Е. Основы конституционного права. М.: Манускрипт, 1996. С. 186; Чиркин В.Е. Государствование. М.: Юрист, 1999. С. 270.

¹⁴ См.: Рыбкин И.П. Становление и развитие парламентаризма в России. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. докт. полит. наук. М.: Институт государства и права, 1995. С. 4—7.

¹⁵ Конституционное (государственное) право зарубежных стран. В 4-х т. Т. 1—2. Общая часть. Изд. 2-е, исправл. и доп. / Рук. авт. колл. и отв. ред. Б.А. Страшун. М.: БЕК, 1996. С. 403.

¹⁶ См.: Енгибарян Р.В., Тадевосян Э.В. Конституционное право. М.: Юрист, 2000. С. 410.

немалое различие между волею всех, — пишет Ж.-Ж.Руссо, — и общею волею. Эта вторая блюдет только общие интересы; первая — интересы частные и представляет собою лишь сумму изъявлений воли частных лиц. Но отбросьте из этих изъявлений воли взаимно уничтожающиеся крайности; в результате сложения оставшихся расхождений получится общая воля»¹⁷.

Во-вторых, она исходит из твёрдого убеждения в том, что народная воля является **единственным верховным началом государственной жизни, правомерным источником всякой власти и вместе с тем её нравственным освящением**. Эта воля служит не только единственным, но и исчерпывающим(!) основанием для справедливой политики и справедливых законов. Подобное убеждение зиждется на абсолютно искренней вере в народный суверенитет, вере, которой, по словам выдающегося русского правоведа и философа, общественного и политического деятеля П.И. Новгородцева (1866—1924), «Руссо увлекал свой век, заставляя и других верить, что государство, построенное на общей воле, может стать отражением незыблемой правды»¹⁸. Показательна в этом плане непререкаемость суждения известного деятеля Великой французской революции К. Демулена (1760—1794), заявившего: «Народ высказался: этого достаточно; никакое возражение, никакое veto невозможны против его суверенной воли. Его воля всегда законна: это — сам закон»¹⁹.

В-третьих, основополагающим началом данной позиции является следующее умозаключение, разделяемое другими идеологами и творцами упомянутой революции, прежде всего Г.Б. дё Мабли (1709—1785), Э.-Ж. Сиейесом (1748—1836) и др.: народную волю **должно и может адекватным образом выражать представительное учреждение**.

Все эти три положения представляются нам не вполне корректными с научной точки зрения, а отдельные их моменты даже ошибочными, что обуславливает необходимость их уточнения, а в некоторых случаях и пересмотра.

Первое. Употребляя понятие «народная воля» в связи с государственной властью, необходимо отметить, что ситуация, когда эта воля ещё проходит стадию формирования или созревания, отнюдь не является редкостью. В таких условиях, принимая законодательные, равно как и другие общеобязательные нормативные акты, высшее представительное учреждение, центральный орган исполнительной власти вполне могут опередить процесс этого фор-

мирования, предвосхитить требования общей воли, равно как и напротив, дать ей неверное истолкование.

Конечно, иногда, в ряде случаев имеет место и иная ситуация: порою население страны достаточно определенно демонстрирует единство волевых устремлений. Например, во время участия в референдумах (хотя сама постановка вопроса, выносимого на референдум, уже содержит в себе существенный элемент навязывания голосующим воли извне, т.е. воли власти имущих). В годы революционных потрясений, войн, катаклизмов наблюдается, как правило, всплеск активности людей, и нередко интенсификация их тяготения к идентичному решению жизненно важных вопросов. Заметим, что тогда роль государственно-властных структур оказывается не столь уж сложной: им надлежит адекватным образом выразить всеобщую волю, которая ярко и однозначно уже проявляется вовне. Справедливости ради следует подчеркнуть, что и в такие «бурные» периоды общественного развития воля народа далеко не всегда выступает в окончательно сформировавшемся виде.

В иных же обстоятельствах, т.е. при нормальном, стабильном, размеренном течении жизни, у народа имеются не более чем туманные, весьма расплывчатые представления, некоторые умонастроения, но никак не ясное и чёткое, прочное и устойчивое мнение и соответствующая ему неколебимая воля по большинству вопросов, значимых как для всего социума, так и отдельных индивидов. Эти туманные и расплывчатые представления и умонастроения характеризуются к тому же удручающей неполнотой и односторонностью по отношению к своему предмету, зачастую крайней подвижностью и изменчивостью, чрезмерной и потому шокирующей бессистемностью и внутренней противоречивостью. Но даже в случаях, когда по тем или иным фундаментальным вопросам развития общества единая и твёрдая народная воля имеет место быть, разногласия относительно конкретных путей, форм, средств и методов её практической реализации зачастую оказываются столь велики и принципиальны, что, по сути, сводят на нет положительный эффект от её существования, обесмысливают сам факт её наличия. Народ может искренне желать достижения высокого уровня материального благосостояния всеми без исключения гражданами государства, но при этом не иметь согласия (а порою и вообще ни малейшего представления) относительно того, как, каким образом (скажем, в рамках капиталистического или социалистического способа производства и распределения или же каким-либо иным способом) достичь желаемого результата, реализовать свою волю. Аналогичным образом дела обстоят и со многими другими жизненно важными

¹⁷ Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. III. Европа. Америка: XVII — XX вв. / Рук. науч. проекта Г.Ю. Семин. М.: Мысль, 1999. С. 132.

¹⁸ Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М.: Наука, 1996. С. 25.

¹⁹ Desmoulins C. La France libre. Œuvres. Paris, 1874. P. 82.

вопросами: утверждением принципа социальной справедливости, созиданием демократического, правового и социального государства, проведением независимого и разумного внешнеполитического курса, борьбой с преступностью, противодействием загрязнению окружающей среды, налаживанием эффективной системы образования, обеспечением здоровья нации и т.д.

Изложенное позволяет сделать следующий вывод: обнаружить, правильно понять, достоверно узнать и адекватно отразить то, **что именно желает и хочет, к чему стремится народ — оказывается далеко не просто, а иногда и невозможно**²⁰.

В этом нет ничего удивительного. Процесс формирования народом своей воли весьма затруднен в принципе. В условиях невероятной насыщенности социальной жизни много и разнообразными явлениями, событиями и фактами, непрерывно и быстро происходящей замены одних конкретных форм и проявлений её политической, экономической, культурной и иных составляющих другими, широкого распространения, пожалуй, даже, немислимого обилия истинной и ложной, правдивой и превратной, значимой и бесполезной информации и т.д. рядовые граждане испытывают серьезные трудности в процессе выработки собственного, определенного мнения относительно как общих, глобальных, так и частных вопросов общественного бытия. Они вынуждены преодолевать состояние крайнего замешательства, растерянности, смятения. Более того, есть все основания полагать, что с течением времени делать это, т.е. формировать собственное мнение, будет всё труднее и труднее. Ведь усложнение общественных процессов происходит в наши дни с огромной и при этом всё возрастающей скоростью. Что же касается мощных потоков информации, то они, особенно с появлением и бурным развитием радио, телевидения, Интернета, образовали огромный бушующий океан, в котором легче утонуть, чем точно сориентироваться, отыскать верный путь спасительного движения.

Говоря об объективных причинах, порождающих сомнения в факте постоянного присутствия в обществе всеобщей или народной воли, ни в коем случае нельзя забывать и о причинах субъективного порядка. Люди, обремененные тяготами повседневности, мыслями о хлебе насущном, заботами выживания, вынуждены отстраняться от общественно значимых проблем, касающихся организации устройства их совместной деятельности. «Жизнь бедняка, — справедливо отмечает французский литературный критик и философ XIX—XX вв. Э.О.Ш. Ален (1868—1951), — скована внешними обстоятельствами,

в ней не остаётся места ни для личного произвола, ни для свободного выбора, ни для раздумий»²¹. Аналогичным образом высказывается и русский правовед, философ, историк и публицист Б.Н. Чичерин (1828—1904): «Человек, гнетомый нуждой, принуждённый посвятить всю свою жизнь материальному труду и удовлетворению физических потребностей, не имеет ни возможностей, ни досуга развиваться умственно»²². А ведь бедняков в мире великое множество. Вправе ли мы ожидать от людей, расходующих все силы исключительно на то, чтобы обеспечить себе и своим близким хотя бы сносные условия существования, а зачастую попросту не умереть с голоду, что они будут активными субъектами формирования общей воли? В периоды революций, вероятно, да. В периоды же (очевидно, куда более продолжительные) обычного течения жизни, конечно, нет.

Кроме того, во все времена и во всех обществах многие граждане не принимают никакого участия в решении общих дел по той причине, что искренне убеждены в полнейшей бессмысленности такого рода деятельности. Они полагают, что от их волеизъявления равным счётом ничего не зависит, ибо власть всегда действует, руководствуясь исключительно своекорыстными интересами, преследуя собственные цели, несколько не заботясь при этом о них — простых людях, рядовых гражданах, обычных обывателях. И, следует заметить, что для подобного убеждения имеются весьма веские объективные основания. Не вызывает ни малейших сомнений то, что во всех, даже самых демократических государственно-организованных социумах, как, впрочем, и вообще во всех социальных организациях, наиболее важные решения принимаются именно меньшинством, если не сказать, единицами²³. А реализуемые в этих решениях интересы далеко не всегда совпадают с интересами народа, направлены на достижение общего блага.

Помимо этого, нельзя упускать из виду и тот факт, что многие люди проявляют социальную пассивность из-за обычной лени. «Из лени, — как точно заметил французский писатель-моралист XVII в. Ф. де Ларошфуко (1613—1680), — наш ум льнёт к тому, что легко и приятно, и это ставит пределы нашему познанию»²⁴. Действительно, многие предпочитают не утруждать себя глубоким осмыслением той или иной проблемы, не затрачи-

²⁰ Не случайно М. Горький (1868 — 1936) остроумно заметил: «Речи правителей о желаниях народа подобны рассказам глухонемого о музыке» (цит. по: Антология мудрости / Сост. В.Ю. Шойхер. М.: Вече, 2007. С. 415).

²¹ Цит. по: Борохов Э. Энциклопедия афоризмов: Россыпи мыслей. М.: АСТ, 2001. С. 35.

²² Чичерин Б.Н. Собственность и государство. СПб.: Издательство РХГА, 2005. С. 271.

²³ Об этом см. подробно: Керимов А.Д. Государственная организация общественной жизнедеятельности: вопросы теории. М.: Норма:ИНФРА-М, 2014. С. 79—94.

²⁴ Афоризмы: По иностранным источникам / Сост. П.П. Петров, Я.В. Берлин. Предисл. Н.М. Грибачева. 3-е изд. перераб., доп. М.: Прогресс, 1985. С. 348.

вать умственную и душевную энергию на то, чтобы определиться по конкретному вопросу, вникнуть в его суть до тех пор, пока не осознают, не убедятся самым непосредственным образом (т.е. на собственном опыте), что он затрагивает их жизненные интересы, что их частные интересы и личные судьбы неразрывно связаны с интересами и судьбой целого: общества и государства. А это, надо сказать, происходит не столь уж часто.

Наконец, в социуме всегда находится небольшое число людей, которые на протяжении всей своей жизни или в отдельные её периоды в силу определенного склада характера, особенностей натуры или под влиянием тех или иных внешних факторов и обстоятельств совершенно не интересуются общественно значимыми проблемами. Они по большей части интровертны, погружены в себя, сосредоточены на своих интимных проблемах, полностью поглощены глубоко личными чувствами и переживаниями. Внешний мир для них как бы перестает или почти перестает существовать. Такие люди не участвуют в решении общих дел, тем более в формировании общей воли и, заметим, вовсе не стремятся к этому, что в принципе нетрудно объяснить: у них практически отсутствует соответствующая внутренняя мотивация.

Учитывая сказанное, становится ясно, почему мы так часто наблюдаем столь явно демонстрируемое значительной частью населения практически любой страны нежелание принимать участие в политической жизни, выражающееся в игнорировании плебисцитов и референдумов, президентских выборов, общенациональных и региональных выборов в органы законодательной власти, в абсолютном безразличии к деятельности властных структур всех уровней и многом, многом другом.

В связи с изложенным с неизбежностью возникает целый ряд по сути своей однопорядковых и чрезвычайно важных вопросов. А существует ли народная воля в принципе? Может быть, её просто нет? Не вымысел ли это, возникший в воспаленном сознании революционеров прошлого и обусловленный наличием неосуществившихся надежд на справедливое преобразование общества? Может быть в данном понятии воплощена не более чем мечта передовых мыслителей, критиковавших современное им общественное и государственное устройство именно потому, что оно не выражало чаяний народных? Не выдумка ли это восторженных и нетерпеливых провозвестников предстоящего изменения жизни?

Над такого рода вопросами задумывались и продолжают задумываться многие ученые. П.И. Новгородцев, в частности, писал: «Есть ли в самом деле какое-нибудь основание говорить об общей воле народа, когда мы знаем, что в действительности под этой общей волей скрывается разногласие частных мнений, целая совокупность колеблющихся и меняющихся на-

строений и волю, борющихся за преобладание, подобно тому, как сам народ есть совокупность отдельных групп, различающихся и борющихся между собой? Народная воля, народный дух, народное убеждение — не обладают ли все эти понятия оттенком старинного романтизма? Не заключают ли они в себе предположение о единстве мыслящего и хотящего субъекта и не приводят ли они к олигетворению принципа, существующего лишь в отвлечении?»²⁵.

Нельзя не отреагировать на поставленные вопросы в силу их обоснованности. Равно как и невозможно, по-видимому, ответить на них абсолютно однозначно. Несомненно одно: они требуют и заслуживают обстоятельного обсуждения научной общественностью и прежде всего философами, социологами, политологами, юристами, историками и психологами. Есть все основания надеяться, что такое обсуждение позволит либо развеять сомнения в наличии народной воли или, напротив, утвердиться во мнении, что данное понятие не имеет аналога в действительности, а представляет собой скорее призрак, фантом или фикцию.

Заметим, что подобного мнения придерживаются многие, в том числе и весьма авторитетные отечественные и зарубежные учёные. Среди них — Б.Н. Чичерин. «Можно сколько угодно, — настаивает он в своём, уже цитировавшемся фундаментальном труде «Собственность и государство», — рассматривать общество как организм... невозможно реально приписать этому организму волю, которой он не имеет, и облечь его правами, которыми он не в состоянии пользоваться»²⁶. Ниже он формулирует эту мысль ещё более определённо: «Самая общественная воля, не что иное как юридическая фикция, ибо общество как целое реально воли не имеет: волю его признаётся воля тех или других единичных лиц, которые считаются его представителями»²⁷. Среди них и австрийский и американский экономист, социолог, политолог и историк экономической мысли Й.А. Шумпетер (1883—1950), полагающий что сами по себе народные массы не только не способны выработать чёткие и определённые взгляды, но и связаны их сформулировать и превратить в последовательные установки и действия. Они в состоянии лишь оказать или не оказать поддержку группе, претендующей на лидерство. С его точки зрения, концепция воли народа или всеобщей воли не имеет под собой реальной почвы²⁸.

Что же касается нашей позиции, то она следующая. Нам всё же кажется, что **народная воля** —

²⁵ Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М.: Наука, 1996. С. 39.

²⁶ Чичерин Б.Н. Собственность и государство. С. 120.

²⁷ Там же. С. 296.

²⁸ См.: Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2007. С. 528, 649.

это реальность. Мы солидарны с П.И. Новгородцевым, полагающим, что «пока народ представляет собой известное единство, в нём живёт сознание общей связи. Глубочайший смысл учения Руссо заключается именно в том, — продолжает он, — что в наличности этого сознания оно усматривает основу существования государства»²⁹. И повторим, чем сильнее такое сознание, чем тверже народная воля, тем прочнее и могущественнее государство.

Однако воля эта в своём, если можно так выразиться, чистом и безусловном выражении, существует лишь в отношении весьма и весьма ограниченного круга вопросов. Кроме того, она **далеко не всегда очевидна не только власти имущим, но, как это ни парадоксально, и самому народу.**

Второе. Итак, всеобщая воля вряд ли может быть единственным верховным началом государственной жизни и справедливых законов по той простой причине, что в действительности она вырабатывается далеко не по всем общественно значимым проблемам и при нормальном течении исторического процесса она отнюдь не очевидна.

Но дело не только и не столько в этом. Возникают большие сомнения относительно того, должна ли народная воля (и уж тем более её прообраз — общественное мнение³⁰) быть таким началом, т.е. единственным верховным началом, должна ли она безоговорочно приниматься в качестве основного и опять же единственного источника справедливого и разумного государственного и правового устройства социума. Прав ли Ж.-Ж. Руссо, когда утверждает, что сам по себе народ всегда хочет блага, но не всегда видит в чём оно?³¹ Тот факт, что народ далеко не всегда осознаёт, в чём состоит благо, — бесспорен. Но всегда ли он действительно искренне его желает?

Эти сомнения обусловлены тем обстоятельством, что народу вполне могут быть присущи все те же или почти все те же пороки, которые свойственны отдельным личностям. Следовательно, состояние воли народа нельзя идеализировать. Он, равно как и любой другой социальный субъект, не обладает монополией на истину, а его желания, помыслы, устремления, воля, наконец, могут быть как добродетельны, так и злонамеренны. Мы знаем тому множество примеров. Подавляющее большинство немецкого народа в своё

время поддерживало фашизм — пожалуй, один из самых (если не самый) антигуманных и бесчеловечных режимов в истории человечества. Причём поддержка эта была весьма энергичной и активной, именно такой, какую и предполагает, точнее, требует по отношению к себе тоталитаризм. Как не вспомнить в этой связи слова американского проповедника и писателя У.Э. Чэннинга (1780—1842), сказанные им ещё задолго до фашистской диктатуры в Германии: «На долю народа не может выпасть большего бедствия, чем процветание ценой злодеяния»³². Впоследствии немецкий народ нашел в себе силы и мужество покаяться за содеянное. И в этом, несомненно, проявилось величие его духа. И тем не менее данный факт, как и многие другие факты мировой общественно-политической практики, неумолимо свидетельствует о том, что **торжество общей воли отнюдь не всегда равнозначно торжеству справедливости, гуманности, добродетели.**

Это вполне объяснимо. Действительно, ведь нет никаких оснований полагать, что в любой социальной структуре, в том числе и в государственно-организованном обществе, определённо выраженная воля большинства или даже единогласие всех граждан обуславливает справедливость вынесенного решения. Уместно здесь привести высказывание немецкого юриста Г. Еллинека (1851—1911). В своей работе «Права меньшинства» он отмечает: «Вся идея решения вопросов большинством голосов покоится на представлении о полном внутреннем единстве народа. В основе её лежит демократическая естественно-правовая идея полнейшей равноценности отдельных личностей. Между равноценными же единицами, само собой разумеется, не может быть другого решающего критерия, как численное превосходство»³³. Но все мы по собственному жизненному опыту прекрасно знаем, что отдельные личности отнюдь не рассматриваются в качестве равноценных ни в одном обществе. Поэтому не вполне обоснованными представляются рассуждения выдающегося английского философа Т. Гоббса (1588—1679), который в своём знаменитом произведении «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» пишет: «Природа создала людей равными в отношении физических и умственных способностей, ибо хотя мы наблюдаем иногда, что один человек физически сильнее или умнее другого, однако если рассмотреть всё вместе, то окажется, что разница между ними не настолько велика, чтобы один человек, основываясь на ней, мог претендо-

²⁹ Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М.: Наука, 1996. С. 39.

³⁰ О проблеме соотношения общей воли и общественного мнения см.: Проблемы общей теории права и государства / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М.: НОРМА-ИНФРА, 1999. С. 780—787.

³¹ См.: Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М., 1988. С. 219. Многие современные исследователи вслед за Ж.-Ж. Руссо рассматривают достижение общего блага в качестве содержательной характеристики и цели народной воли (см.: Эбзеев Б.С. Введение в Конституцию России. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 415).

³² Афоризмы: По иностранным источникам. С. 19.

³³ Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. III. Европа. Америка: XVII — XX вв. С. 136.

вать на какое-нибудь благо для себя, а другой не мог бы претендовать на него с таким же правом»³⁴. В самом деле, основываясь только лишь на этой разнице, кто-либо вряд ли вправе претендовать на большие блага по сравнению с другими. Но, благодаря ей, он может принести и зачастую приносит больше пользы обществу, чем остальные и уже в силу этого правомерно требует для себя и порою заслуженно получает и большие материальные и нематериальные блага. Одним из таких нематериальных благ является преимущественное участие в решении государственных дел. Кроме того, разница между отдельными людьми, по нашему убеждению, особенно в том, что касается умственных способностей и моральных качеств, нередко оказывается весьма и весьма существенной. Как часто на протяжении жизни нам представляется возможность восхищаться величием разума и духа человека, и, к сожалению, столь же часто — ужасаться его глупости, низости и подлости! Всё это объясняет тот факт, что порою меньшинство явно превосходит большинство в интеллектуальном, профессиональном, нравственном и других отношениях, большинство же выступает иногда носителем реакционных идей и воли. Их воплощение в жизнь может повлечь негативные перемены в общественном развитии, привести к социальному и духовному регрессу.

Третье. Принимая во внимание изложенное, вполне логичным и обоснованным представляется следующий вывод. Государство, его властные институты вопреки широко распространенной точке зрения существуют и действуют отнюдь не только для того, чтобы выражать волю народа, которая, как мы видим, по множеству общественно значимых вопросов вовсе не обязательно окончательно сформирована, зачастую нам практически неизвестна³⁵ (невозможно же всякий раз проводить ре-

ферендумы³⁶ или устраивать опросы общественного мнения), и, наконец, не всегда направлена на достижение всеобщего блага, в полной мере соответствует идеалам добра и справедливости. Государство в лице своих властных органов в первую очередь вырабатывает и выражает, главным образом путем принятия законов и других нормативных актов, **собственную волю, которая с большим основанием, чем какая бы то ни была другая воля, может быть признана совпадающей с народной** (за исключением, разумеется, воли, выявленной в ходе общенационального голосования или массовых выступлений) **и (или) отвечающей интересам населения страны.**

Пожалуй, мы не погрешим против истины, если станем утверждать, что многие или, по крайней мере, некоторые известные деятели Великой французской революции придерживались, по сути, аналогичной точки зрения. В подтверждение приведем высказывание одного из наиболее видных революционных теоретиков того времени, уже упоминавшегося Э.-Ж. Сийеса. В своей знаменитой речи, произнесенной в Национальном Собрании 7 сентября 1789 г., он, в частности, отмечал: «Для депутата нет и не может быть повелительного мандата или даже какого-либо положительного желания, кроме желания нации, он связан советами своих прямых избирателей лишь постольку, поскольку эти советы будут соответствовать желанию нации. Но где же может быть это желание, где можно его узнать, если не в самом Национальном Собрании? Волю своих доверителей депутат откроет не из справок с отдельными наказами, если таковые имеются. Дело идет здесь не о том, чтобы подсчитать результат демократического голосования, а о том, чтобы предлагать, выслушивать, сговариваться, изменять свои взгляды, чтобы образовать сообща общую волю»³⁷.

Мы видим, что, по мнению Э.-Ж. Сийеса, высшее представительное учреждение страны призвано, в сущности, самостоятельно находить, истолковывать и, что самое важное, формировать общую, т.е. народную волю. Но совершенно очевидно, что самостоятельно сформированная кем бы то ни было, юридическим или физическим лицом воля, пусть даже под влиянием тех или иных мощных побудительных мотивов и внешних сил, не может быть ничем иным, как его собственной волей. Можно более или менее точно, достоверно и четко выражать чью-либо волю, в той или иной

³⁴ Там же. С. 37.

³⁵ Здесь следует привести отличающиеся категоричностью, но вместе с тем отнюдь не лишённые смысла рассуждения российского обществоведа А.Н. Медушевского. В своей весьма любопытной статье «Демократия и тирания в новое и новейшее время» он, в частности, отмечает: «Общая воля, к которой апеллирует Руссо, отличается от индивидуальной воли человека, не совпадает она и с волей большинства, которая является совокупностью составляющих её частных волей. Общая воля, следовательно, есть некоторый метафизический абсолют, постулат общей цели, который в принципе не поддается никакой эмпирической верификации, не может быть проверен или измерен, скажем, с помощью конкретных социологических методов. Поэтому при внешней простоте и демократизме теории Руссо, его постоянных ссылок на общественный договор и народную волю, его учение, как отмечали многие критики, начиная с Э. Берка, является крайне метафизическим и представляет собой одну из наиболее тоталитарных доктрин в истории человечества» (Медушевский А.Н. Демократия и тирания в новое и новейшее время // Вопросы философии. 1993. № 10. С. 11—12).

³⁶ Как совершенно верно подчеркивает отечественный правовед Г.Н. Манов (1923—1993), «референдум — сложное, дорогостоящее мероприятие, которое не может обеспечить необходимую оперативность законодательной деятельности...» (Теория государства и права / Под ред. Г.Н. Манова. М.: БЕК, 1995. С. 252).

³⁷ Цит. по: Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М.: Наука, 1996. С. 66.

степени влиять на формирование чьей-либо воли, наконец, навязывать кому-либо свою волю, но нельзя формировать чужую волю. Рассматриваемая как деятельная мысль, твёрдое намерение, энергичное стремление к осуществлению намеренной цели, к достижению результата, иными словами, пользуясь определением Цицерона (106—43 до н.э.), как «разумное желание», воля есть свойство, в конечном счёте имманентно присущее именно её субъекту. Парламент и другие государственно-властные институты, т.е. **всё государство в целом, следовательно, вырабатывает свою собственную волю**, которая может, как уже подчеркивалось, считаться в наибольшей степени совпадающей с народной.

Позиция, согласно которой государство (прежде всего парламент, другие его структуры) исключительно выражает волю народа, фактически является теоретическим основанием для оправдания любых решений власть имущих. Ведь парламентарии и чиновники в этом случае — не более чем проводники априори заданной и им хорошо известной общей воли, не подлежащей в силу своего высокого, народного «статуса» никакой коррекции. Такая позиция, кроме того, вызывает ряд вопросов. Если воля народа по поводу всех общественно-значимых проблем существует и при этом известна всем и каждому, то почему, собственно, её не может выражать какой-либо один государственный орган, представленный одним человеком, т.е. глава государства, тем более, если он также как и парламент, избран всем населением страны? Ясно, однако, что это прямой путь к диктатуре. Не удивительно поэтому, что новая и новейшая история изобилует диктаторскими режимами. Не составляет труда привести немало примеров, когда именем общей воли, «прикрываясь» ею, народные вожди постепенно превращались в тиранов и затем, вместе со своим окружением, отстаивая исключительно свои собственные интересы, преследуя своекорыстные цели, творили беззаконие, совершали ужасающие преступления, попирали права и свободы граждан.

Признание же факта, что государство в лице его властных структур выступает прежде всего и главным образом в качестве генератора своей собственной воли, многократно повышает его ответственность за судьбы страны, ставит перед ним принципиально новые задачи и требует определенного изменения содержания и направлений его деятельности.

Итак, что же должно в этой связи делать государство, тем более, государство, претендующее на то, чтобы быть сильным, дееспособным и эффективным.

Во-первых, воля государства, выражающаяся в принимаемых им законодательных и подзаконных актах и иных решениях, должна в каждом конкретном случае **совпадать с волей народа**, раз-

умеется, если таковая по данному вопросу вообще имеется и если она добродетельна. Следовательно, государственные деятели оказываются перед необходимостью в первую очередь стремиться выявлять всеобщую волю, ибо последняя далеко не всегда, если можно так выразиться, находится на поверхности. Порою она сокрыта глубоко в гуще народных масс, спрятана в самых дальних, потаенных закоулках народного сознания и о её существовании можно судить только по наитию, догадываться лишь по некоторым косвенным признакам. «Не в легком и простом воспроизведении готовых и для всех очевидных начал познается народная воля, — совершенно справедливо отмечает П.И. Новгородцев, — а именно в искании и творчестве; ибо воля эта не есть готовый факт, а лишь задача или руководящая норма, которая в своём положительном содержании нередко оказывается загадкой, уравнением со многими неизвестными, таинственной и неопределенной величиной»³⁸.

Сказанное практически означает, что членам парламента, чиновникам следует быть, как принято говорить, ближе к народу, гораздо чаще и предметнее, чем это происходит сегодня, общаться со своими избирателями, рядовыми гражданами, хорошо знать их чаяния и нужды, желания, надежды и помыслы. Однако этого недостаточно. Политическим деятелям, депутатам и сенаторам, их помощникам и советникам, сотрудникам аппаратов высших исполнительных и законодательных органов необходимо постоянно и внимательно отслеживать, оценивать и анализировать как можно большее количество информации, поступающей от государственных и частных институтов и учреждений, занимающихся социологическими исследованиями, изучением общественного мнения. Чиновники и парламентарии, таким образом, должны работать в самом тесном контакте не только с юристами, но и с социологами³⁹.

Во-вторых, в ситуации, когда у народа нет определенной воли относительно требующих нормативного и управленческого регулирования существенных вопросов его жизнедеятельности, государство в лице своих властных структур должно сделать всё возможное для её формирования. По сути, оно призвано возглавить соответствующую работу. Иными словами, **сильное государство просто обязано стать во главе процесса выработки общей воли** в тех случаях, когда народ непременно должен самоопределиться, но ещё не сделал этого. В первую очередь парламент, оставаясь главным «законодательным ведомством», государственным органом, который совместно

³⁸ Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М.: Наука, 1996. С. 25.

³⁹ О необходимости использования результатов социологических исследований в законодательной деятельности см.: Карбонье Ж. Юридическая социология. Пер. с франц. М.: Прогресс, 1986. С. 318—338.

с другими властными структурами, прежде всего, исполнительно-распорядительными, «делает законы», контролирует их исполнение, представляет население страны и её регионов, должен превратиться ещё и в мощный центр, инициирующий и аккумулирующий усилия общества по познанию самого себя. Он призван стать широким дискуссионным форумом, объединяющим и направляющим в нужное русло деятельность всего спектра институтов гражданского общества, научных учреждений с тем, чтобы путем открытых, демократических по форме и содержанию дебатов и обсуждений способствовать формированию воли народа и уже на её основе принимать соответствующие решения, выстраивать систему законодательства.

Как показывает практика, по многим вопросам, имеющим для страны в целом и отдельных индивидов жизненно важное значение, далеко не всегда удается достичь консенсуса. Это особенно характерно для общества переходного периода, когда, как справедливо отмечает отечественный правовед В.В. Лапаева, «за противоречивыми, нередко прямо противоположными суждениями общественного мнения очень трудно, а иногда и невозможно разглядеть тот момент общественного согласия, в котором может быть выявлена общая воля»⁴⁰. Такое общество зачастую оказывается расколотым почти на равные части, что, конечно же, не способствует его поступательному и прогрессивному развитию. Сильное государство, естественно, должно стремиться к тому, чтобы избежать возникновения подобных ситуаций, т.е. стремиться к тому, чтобы воля народа была действительно всеобщей или, по крайней мере, волей значительного большинства.

Мы с сожалением вынуждены констатировать, что в современном мире функцию выработки общей воли фактически взяли на себя, если не сказать узурпировали, средства массовой информации. Но они, как известно, в так называемых развитых, цивилизованных странах в большинстве своём находятся в услужении у магнатов капитала. Поэтому их основная цель заключается в том, чтобы способствовать созданию у населения тех представлений и воззрений, которые были бы выгодны, отвечали потребностям и интересам правящей финансовой элиты, а не самих народных масс. И, надо заметить, что СМИ это, как правило, удается.

В этой связи перед парламентом, другими государственными органами встает чрезвычайно трудно выполнимая в ближайшей исторической перспективе задача: перехватить здесь инициативу у СМИ, переориентировать их деятельность таким образом, чтобы нацелить её на формирование народной воли, отвечающей интересам самого народа. Решить эту задачу совершенно необходимо,

ибо в противном случае простым людям, рядовым гражданам суждено навсегда остаться заложниками своеволия сильных мира сего.

В-третьих, в процессе своей деятельности высшее представительное учреждение, исполнительно-властные органы постоянно сталкиваются с вопросами, для нормативного регулирования которых вовсе не нужно, да и невозможно достижение общественного согласия, консенсуса, формирования народной воли. По сути дела, таких вопросов большинство. Это специальные вопросы, для адекватного нормативно-правового урегулирования которых требуется наличие определенных знаний, соответствующей профессиональной подготовки, а отнюдь не всенародное одобрение. Здесь парламент и исполнительная власть должны действовать, основываясь на советах экспертов, специалистов, прекрасно разбирающихся в рассматриваемой проблематике, мнении людей, в чьей высокой квалификации не приходится сомневаться. Это означает, что избранныкам народа следует, как можно чаще привлекать к законотворческой работе людей такого рода. Безусловно при этом, что конечный результат (т.е. принятый законодательный или подзаконный акт) не должен обеспечивать превалирование частных, узкопрофессиональных интересов над общим благом.

Список литературы

1. Анохин П.В. Концепция «сильного государства»: Исторический опыт и проблемы воплощения в условиях современной России. Дисс. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002.
2. Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. III. Европа. Америка: XVII—XX вв. / Рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин. М.: Мысль, 1999.
3. Антология мудрости / Сост. В.Ю. Шойхер. М.: Вече, 2007.
4. Афоризмы: по иностранным источникам / Сост. П.П. Петров, Я.В. Берлин. Предисл. Н.М. Грибачева. 3-е изд. перераб., доп. М.: Прогресс, 1985.
5. Борохов Э. Энциклопедия афоризмов: Россыпи мыслей. М.: АСТ, 2001.
6. Войтович Р.В. Сильное государство как инструмент противостояния институциональным вызовам глобализации // Власть и политика: институциональные вызовы XXI века. Политическая наука: Ежегодник. Российская ассоциация политической науки; гл. ред. А.И. Соловьёв. М.: РОССПЭН, 2012.
7. Грязнова Е.В. «Хрупкое» государство: критерии определения // Политика и общество. 2013. № 1 (97).
8. Енгибарян Р.В., Тадевосян Э.В. Конституционное право. М.: Юрист, 2000.
9. Затонский В.А. Эффективная государственность / Под ред. А.В. Малько. М.: Юрист, 2006.
10. Керимов А.Д. Государственная организация общественной жизнедеятельности: вопросы теории. М.: Норма; ИНФРА-М, 2014.
11. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. В 4-х т. Т. 1—2. Общая часть. Изд. 2-е, исправл.

⁴⁰ Проблемы общей теории права и государства / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1999. С. 782.

- и доп. / Рук. авт. колл. и отв. ред. Б.А. Страшун. М.: БЕК, 1996.
12. Медушевский А.Н. Демократия и тирания в новое и новейшее время // Вопросы философии. 1993. № 10.
 13. Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М.: Наука, 1996.
 14. Понкин И.В. Теория девиантологии государственного управления: Неопределённости, риски, дефекты, дисфункции и провалы в государственном управлении. ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ. М.: Буки-Веди, 2016.
 15. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ [Электронный ресурс] // Президент России [Официальный сайт]. 03.12.2015; URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата обращения: 18.04.2016).
 16. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ, 05.11.2008 // РГ. 2008. 6 нояб. № 43.
 17. Проблемы общей теории права и государства / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М.: Норма; ИНФРА-М, 1999.
 18. Путин В.В. Выступление при представлении ежегодного Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ, 08.07.2000. М., 2000.
 19. Романов М.А. Принцип сильной государственности в системе политических приоритетов современной России. Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2001.
 20. Рыбкин И.П. Становление и развитие парламентаризма в России. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. докт. полит. наук. М.: Институт государства и права, 1995.
 21. Степашин С.В. Государственный аудит и экономика будущего. М.: Наука, 2008.
 22. Сенцов А.Э. Образ сильного государства в программах современных политических партий России // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2001. № 3 (15).
 23. Стиглиц Дж.Ю. Ревущие девяностые. Семья Развала. М.: Современная экономика и право, 2005.
 24. Теория государства и права / Под ред. Г.Н. Манова. М.: БЕК, 1995.
 25. Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2005.
 26. Чиркин В.Е. Основы конституционного права. М.: Манускрипт, 1996. С. 186.
 27. Чиркин В.Е. Государствоведение. М.: Юрист, 1999.
 28. Чичерин Б.Н. Собственность и государство. СПб.: Издательство РХГА, 2005.
 29. Фукуяма Ф. Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI в. (пер. с англ.). М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006.
 30. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2007.
 31. Эбзеев Б.С. Введение в Конституцию России. М.: Норма; ИНФРА-М, 2013.
 32. Desmoulins Cam. La France libre. Œuvres. Paris, 1874.

Strong State and People's Will

Kerimov A.D.,

Doctor of Law,
Professor of Department of Constitutional Law
of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the RF,
Member of the Public Scientific-Methodical Advisory Council
at the Central Election Commission of the RF
E-mail: 8017498@mail.ru

Kuksin I.N.,

Doctor of Law,
Professor of the Law Institute Moscow City Pedagogical University,
Honored Lawyer of the Russian Federation
E-mail: proffkuk-1944@yandex.ru

Abstract. The article deals with the problem of correlation between a strong state and universal (people's) will. The authors answer two fundamental questions: does the will of the people express, and if so, to what extent, a strong state in the person of its authorities? and should it form or contribute to the formation of this will?

Keywords: strong state, people's will, sovereignty, society, higher representative institution, civil society institutions, mass media.

References

1. Anokhin P.V. Kontsepsiya «silnogo gosudarstva»: Istoricheskij opyt i problemy voploscheniya v usloviyakh sovremennoj Rossii. Diss. ... d-ra yurid. nauk. SPb., 2002.
2. Antologiya mirovoj pravovoj mysli. V 5 t. T. III. Evropa. Amerika: XVII — XX vv. / Ruk. nauch. projekta G.Yu. Semigin. M.: Mysl, 1999.
3. Antologiya mudrosti / Sost. V.Yu. Shojkher. M.: Veche, 2007.
4. Aforizmy: Po inostrannym istochnikam / Sost. P.P. Petrov, Ya.V. Berlin. Predisl. N.M. Gribacheva. 3-e izd. pererab., dop. M.: Progress, 1985.

5. Borokhov E. Entsiklopediya aforizmov: Rossypi myslej. M.: AST, 2001.
6. Vojtovich R.V. Silnoe gosudarstvo kak instrument protivostoyaniya institutsionalnym vyzovam globalizatsii // Vlast i politika: institutsionalnye vyzovy XXI veka. Politicheskaya nauka: ezhegodnik. Rossijskaya assotsiatsiya politicheskoy nauki; gl. red. A.I. Solovjev. M.: ROSSPEN, 2012.
7. Gryaznova E.V. «Khrupkoe» gosudarstvo: kriterii opredeleniya // Politika i obschestvo. 2013. № 1 (97).
8. Engibaryan R.V., Tadevosyan E.V. Konstitutsionnoe pravo. M.: Yurist, 2000.
9. Zatonskij V.A. Effektivnaya gosudarstvennost / Pod red. A.V. Malko. M.: Yurist, 2006.
10. Kerimov A.D. Gosudarstvennaya organizatsiya obschestvennoj zhiznedeyatelnosti: voprosy teorii. M.: Norma; INFRA-M, 2014.
11. Konstitutsionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhnykh stran. V 4-kh t. T. 1-2. Obschaya chast. Izd. 2-e, ispravl. i dop. / Ruk. avt. koll. i otv. red. B.A. Strashun. M.: BEK, 1996.
12. Medushevskij A.N. Demokratiya i tiraniya v novoe i noveyshee vremya // Voprosy filosofii. 1993. № 10.
13. Novgorodtsev P.I. Vvedenie v filosofiyu prava. Krizis sovremennogo pravosoznaniya. M.: Nauka, 1996.
14. Ponkin I.V. Teoriya deviantologii gosudarstvennogo upravleniya: neopredelennosti, riski, defekty, disfunktsii i provaly v gosudarstvennom upravlenii. IGSU RANKHIGS pri Prezidente RF. M.: Buki-Vedi, 2016.
15. Poslanie Prezidenta RF Federalnomu Sobraniyu RF [Elektronnyj resurs] // Prezident Rossii [ofits. sayt]. 03.12.2015; URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864> (data obrascheniya: 18.04.2016).
16. Poslanie Prezidenta RF Federalnomu Sobraniyu RF, 05.11.2008 // RG. 2008. 6 noyab. № 43.
17. Problemy obschej teorii prava i gosudarstva / Pod obsch. red. V.S. Nersesyantsa. M.: Norma; INFRA-M, 1999.
18. Putin V.V. Vystuplenie pri predstavlenii ezhegodnogo Poslaniya Prezidenta RF Federalnomu Sobraniyu RF, 08.07.2000. M., 2000.
19. Romanov M.A. Printsip silnoj gosudarstvennosti v sisteme politicheskikh prioritetov sovremennoj Rossii. Diss. ... kand. polit. nauk. M., 2001.
20. Rybkin I.P. Stanovlenie i razvitie parlamentarizma v Rossii. Avtoref. diss. na soisk. uch. step. dokt. polit. nauk. M.: Institut gosudarstva i prava, 1995.
21. Stepashin S.V. Gosudarstvennyj audit i ekonomika buduschego. M.: Nauka, 2008.
22. Sentsov A.E. Obraz silnogo gosudarstva v programmakh sovremennykh politicheskikh partij Rossii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. 2001. № 3 (15).
23. Stiglits Dzh.Yu. Revuschie devyanostye. Semena razvala. M.: Sovremennaya ekonomika i pravo, 2005.
24. Teoriya gosudarstva i prava / Pod red. G.N. Manova. M.: BEK, 1995.
25. Chirkin V.E. Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran. 4-e izd., pererab. i dop. M.: Yurist, 2005.
26. Chirkin V.E. Osnovy konstitutsionnogo prava. M.: Manuskript, 1996. S. 186.
27. Chirkin V.E. Gosudarstvovedenie. M.: Yurist, 1999.
28. Chicherin B.N. Sobstvennost i gosudarstvo. SPb.: Izdatelstvo RKHGA, 2005.
29. Fukuyama F. Silnoe gosudarstvo. Upravlenie i mirovoj poryadok v XXI v. (per. s angl.). M.: AST: AST MOSKVA: KHRANITEL, 2006.
30. Shumpeter J.A. Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya. M.: EKSMO, 2007.
31. Ebzeev B.S. Vvedenie v Konstitutsiyu Rossii. M.: Norma; INFRA-M, 2013.
32. Desmoulins C. La France libre. Œuvres. Paris, 1874.